

Елена Кожева

Загляни в глаза тоске

18+

Елена Кожева

Загляни в глаза тоске!

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кожева Е. Б.

Загляни в глаза тоске! / Е. Б. Кожева — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Нужно ли помогать человеку измениться, если он сам этого не хочет? Лидия прожила свои сорок лет в уютном однообразии и скуке, пока не появилась Настя - ее помощница по работе, подруга, образец для подражания. Героиня даже нашла убежище от простых земных радостей, чтобы не портить себе нервы. Но Настя не сдавалась. Она упорно вытаскивала беззащитную Лидию на свет, и чуть не погибла в результате своих человеколюбивых опытов над живой душой, примилившейся с неизбежной своей ущербностью.

Роман. «Загляни в глаза тоске». Автор Елена Кожева.

Она смотрела, смотрела, смотрела, боясь пошевелиться, боясь отвести взгляд. Боль нарастала, ширилась, множилась. Где-то в животе так горело и жгло, что ей казалось, опусти она глаза, и увидит, как плавятся синтетические волокна ее дешевой блузки.

Она смотрела, вглядывалась, запоминала. Уже зная, что заберет этот образ с собой, спрятав его в самый дальний закуток души, в самый уютный сверточек памяти.

Глаза в глаза, зрачки в зрачки. Он – неумолимый, нужный, сбывшийся. Она – глупая, поспешившая, опрометчивая. Таким он будет с ней там, за черной полосой вечности, куда не проникают солнечные лучи.

Соскальзывая за этот горизонт, она только еще один раз равнодушно прикоснулась к горячей точке на животе. Тишина. Сон.

1.

Наверное, когда-то она любила лето. Синие сумерки, звезды, плавающую в лужах луну. Возможно, в юности ей нравилось смотреть, как солнечные пылинки играют в утреннем свете, и слушать, как за окном стучат чьи-то каблук по асфальту, сигналият бессовестные водители маршруток, пытаются петь птицы.

Кто-то сказал ей однажды, что жизнь складывается из событий и воспоминаний о них. Этот кто-то был умен и заслуживал уважения. Но в нее он вселил страх, не сам, конечно, а его слова. У нее не было никаких событий, и воспоминания не тревожили ее разум. Значило ли это, что она никогда не жила? А, может быть, никогда и не рождалась?

Зеркало говорило ей, что пора бы подумать о более тщательном уходе за лицом и телом. С той стороны холодной глади на нее робко посматривала женщина неопределенного возраста, тускловолосая, пустоглазая, неумная. Диплом инженера-химика никак не отпечатывался в чертах, и казалось, что женщина эта – малоприметная техничка в школе, или, может быть, простая лаборантка. Жизнь среди тряпок и моющих средств, содержащих хлор. Диплом? Ха-ха. Лето? Синие сумерки... Она даже имя свое порой забывала, а когда надо было его назвать, представляясь, бормотала какие-то звуки, с грехом пополам складывающиеся наконец в Лидию. «Лилия?» – переспрашивали ее бесчисленное количество раз – «Или как?»

Какая, к черту, Лилия?! Нашли, тоже, Лилию! У Лилии, наверняка есть воспоминания, да еще какие! У нее даже воображения не хватит назвать хотя бы одно, но она уверена: ей до них не дотянуться.

Она жила, как все. Вставала по утрам с мятыми полосками от наволочки, впечатавшимися в кожу на щеке и виске, морщась, косилась на стрелки часов, брела на кухню, стараясь не ступать на холодный пол всей ступней, поджимая пальцы. Яркий желтый свет от двестиваттной лампочки проедал глаза, и казалось, что нет аппетита, и на весь рабочий день хватит одной чашки растворимого кофе с мерзкой суррогатной кислинкой и вчерашнего недоеденного батона, забытого на столе. По радио сообщали, что до весеннего тепла еще далеко, и она с досадливым вздохом натягивала шерстяные колготки, старое платье с бестолковым воротником и подбирала с полочки у двери перчатки.

Домик на территории научно-исследовательского института. До лаборатории можно пройти через загущенный парк, не показываясь людям на глаза, не видя

города, минуя его шум, смог, смех, презрение. По неасфальтированным тропинкам, усыпанным хвоей, мимо деревянных корпусов столовой, метеорологической станции, аналитики. Иногда можно увидеть белку и позавидовать ей, что животному не надо смешивать реактивы, вдыхая странноватые запахи, въевшиеся в одежду, мебель и стены. Ей еще посчастливилось обходиться без погони за маршруткой и склочных попутчиков.

Может быть, когда-то она и любила лето...

Ее родители развелись после двух сумбурных лет несчастливого брака, потому что абсолютно не подходили друг другу. Он – врач, она – микробиолог; на первый взгляд, профессии лежали где-то в одной плоскости, но пропасть между личностными качествами была так велика, что даже чужие люди с первого взгляда замечали проблемы пары.

Папа Лидии блистал остроумием, жаждой жизни и очень любил людей. Он приглашал в дом гостей, устраивая из обычного вечернего отдыха феерическое шоу. К нему тянулись все без исключения, завидуя жене такого обаятельного мужчины, недоумевая, что свело ее – зануду и серую мышь с таким добрым и отзывчивым человеком.

Мама отличалась довольно неуживчивым нравом, умудряясь ненавидеть не только людей, но и собственную дочь, а также, собак, кошек, деревья в лесу, реки и моря на карте, список можно продолжить, но истинную боль ее ненависть, естественно, причиняла только Лидии.

Отец ушел скоро, поспешно скидав вещи в чемодан, ушел, не оглядываясь, наверное, недоумевая, зачем вообще сблизился с этой сухой, как щепка, теткой. Дочь ему было жаль, но забрать с собой маленькое злое создание он не решился, разглядев в ней сходство с женой. Еще не хватало убить жизнь на воспитание неуправляемого ребенка, чтобы потом получить неудовлетворенную женщину, с рождения лишенную эмоций и природной радости.

Мать ненавидела Лидию тоже, именно потому, что винила ее в отцовском уходе. Внятно сформулировать пункты вины ей не удавалось, и на протяжении двадцати пяти лет она просто срывала на дочери зло, при любом удобном случае напоминая ей, кто виновен во всех бедах их маленькой недружной семьи.

К своему тридцатилетию Лидия ушла из дома, попросив в лаборатории предоставить ей свой небольшой казенный уголок с печкой и горячей водой.

Мать, казалось, даже не заметила ее отсутствия. К старости она стала апатичной и глухой. Ненависть к людям никуда не делась, и от ее громких проявлений теперь страдали только соседи да бездомные собаки, отирающиеся около подъезда в поисках пропитания. Лидии до этого не было никакого дела. Она только удивлялась, как женщина может выносить и родить совершенно чужое существо, что за алхимия происходит в душе и теле, что на свет является ее собственный враг, ненужный ни ей, ни самому себе.

При свете ядовитой лампы Лидия читала по вечерам скучные книги, слушала радио и наслаждалась одиночеством и тишиной. Больше никто не сообщал ей с угрюмым видом, что она – бесполезное создание, способное разрушить нормальную человеческую семью. Больше никто не требовал ее отчета о дневных занятиях. Не надо было, путаясь в показаниях, рассказывать, куда пропала некая сумма денег, потраченная всего-навсего на пиццу с грибами, на которую дома был наложен строгий запрет. Потом она купила телевизор, за ним DVD проигрыватель, сменила старые покрывала из колючей невыносимой верблюжьей шерсти на мягкие китайские

пледы и целых пять лет жила в состоянии относительного счастья, пока однажды не открыла окно и не осознала весну.

Но весна не желала осознавать ее. Ее игнорировало солнце и смеющиеся люди. Белки в парке демонстрировали презрение, даже когда она останавливалась под кронами сосен, вдыхая упоительный запах апреля, и бросала им орехи. Но на животных она не обижалась, что же касается людей, то здесь, обдумав положение вещей, Лидия сделала два вывода, расщепляющиеся потом на добрую сотню неприятных мыслей о себе самой.

Во-первых, решила она, мир любит красивых и длинноногих, наглых, способных отстоять себя и всучить свою личность окружающим.

Во-вторых, себя надо любить, как теперь часто говорят по телевизору, а этому человек учится в детстве, постоянно слыша от родителей, что он – самый-самый лучший. Ясно, что ни красотой, ни умением демонстрировать себя ей Землю не покоришь, так путь все идет, как идет и не смеет портить ей нервы.

2

На подоконнике скопилась пыль, чего в обычные дни Лидия никогда не допускала. Но сегодня все шло кувырком. Олесенька Сомова наконец-то собралась в декрет!

Олесенька, Леся, как ее звала вся лаборатория, за последние полгода успела так достать абсолютно всех сотрудников, что в честь ее ухода был куплен торт и куча конфет, и накрыт стол в кабине бухгалтера: там было просторно и не воняло химикатами.

Лидия провела по подоконнику рукой в перчатке и задумалась, разглядывая серые пушистые следы на указательном пальце.

Нерадивая, шумная, обожавшая сплетни, Леся, год назад вышла замуж, а чуть позже и забеременела, к собственной громкоголосой радости. Лидия никак не могла взять в толк, как вообще можно было ее полюбить, да еще настолько, чтобы связать с ней свою судьбу! Леся поражала своей болтливостью. Она хихикала, как малолетняя дурочка, опрокидывала то и дело пробирки (благо, ничего особо опасного ей не доверяли), забывала маркировать образцы, путала записи в журналах.

От такой помощницы у Лидии захватывало дух. Она пыталась урезонить Лесю, перевоспитать со свойственной ей тщательностью, но, увы. Взбалмошная балбеска таковой и оставалась.

Полный «восторг» наступил, когда Леся обнаружила себя беременной. Та – да – дадам! И теперь всю работу целиком и полностью выполняла Лидия: таскала ящики с образцами, проводила опыты, вела журнал, цапалась с начальницей, а, точнее, опустив голову, выслушивала наставления и угрозы, и все это под неостанавливающийся поток слов.

Голосок Леси Лидия иногда слышала даже во сне, и просыпалась потом разбитая, встревоженная, всклокоченная. Девчонка ее убивала!

И вот, слава тебе, Господи! Настал час расставания на долгих три года. Какая уж тут пыль!

В светлую, обычно чистенькую комнатку, Леся ворвалась, как огромный пес – сенбернар с прогулки: язык набок, живот то вздувается, то опадает, ноги в грязи. И столько же шума:

– Лидия Ивановна, я в обуви, знаете ли, подумала, какой смысл, если я уже сейчас поеду. Тема приедет, уже звонил, я вот халат, думаю оставить и туфельки, ну

те, зелененькие, помните?! Тема говорит, ты чего их в роддом потащишь? Ой, телефончик в плаще оставила, вдруг Тема опять позвонит, а я не услышу?! Он у меня сердится так, когда я трубочку не беру! Вы, Лидия Ивановна, конфетки-то кушали? Нет?! А че?! Вкусные! Я сейчас все кушаю, Тема говорит...

Лидия мягко повернулась к девушке и тихо, но отчетливо произнесла:

– Пошла отсюда на хрен со своим Темой, конфетками и туфельками! Дверь – вон та дырка в стене позади тебя с ручкой из серого металла!

– Чего? – в кои-то веки наступила благословенная тишина.

– Ну не глухая же ты, – так же тихо произнесла Лидия, равнодушно оглядывая большой живот под бесформенным серым платьем, еле прикрывавшем бедра, красные колготки на полных ногах, обутых в короткие полусапожки, кучу пакетиков и сумочек, навешанных на локти и плечи, – собралась уходить – уходи!

Чего? – полный ротик открылся и не закрывался, шумно втягивая воздух. Леся искренне полагала, что ее все любили, все, без исключения, а уж Лидия Ивановна – серенькая, блекленькая мышь-наставница, и вовсе боготворила ее.

– Топай! – махнула рукой Лидия. – Вали к своему Теме, Васе, или как там его, и конфетки свои засунь себе куда-нибудь! Сил уже нет тебя видеть, а, особенно, слышать, – и отвернулась снова к окну, где шелестели под шальным майским ветром сосны, и трава ложилась в одну сторону гривой зеленой лошади. Май шел, широко шагая в город, сметая холод, иней, лужи с корочками льда. Май тащил за собой разбитного дружка по имени Лето, в которого, как обычно, повлюбляются все вокруг, пьянея, забываясь, окунаясь в счастье.

– До свидания, – дверь хлопнула где-то в другой вселенной.

– Вот уж хрен ты угадала, – пробормотала Лидия и потянулась за влажной тряпкой, ожидавшей своего часа в уголке рабочего стола.

В целом Лидия осталась довольна своим поведением, несвойственным ей в обычное время. Это был настоящий прорыв для серенькой безликой служащей, ведь никогда и никому, кроме как в своем воображении, она не позволяла себе сказать такое.

Маленький надлом, вызванный нервным напряжением, произвел над ней какой-то удивительный эксперимент, и эффектом она восхитилась. Вид ошеломленного, словно сдувшийся шарик, лица Леси бальзамом пролился на старые раны души, забывшей о радости и лете.

Становилось жарко. Скоро будет совсем невозможно работать. Коллеги разъедутся в отпуска, лаборатория опустеет, не слышны станут визгливые препирательства младшего персонала. Только Лидия, не ведающая наслаждения, расслабления, передышки, словно шагающая без усталости заводная игрушка, будет приходить на работу и продолжать свой скрипучий бег, пока другие любят, смеются, удивляются, плачут...живут.

Ей нет места за этими старыми деревянными стенами, нет места за пределами парка, надежно укрытого от посторонних глаз вековыми соснами, бесформенным кустарником, полуразвалившимся забором.

Сорок два года. Морщины, тусклая кожа, оплывшая фигура, какие-то воспоминания. Может быть, она тоже когда-то любила лето, но нет, ничто не всплывает в памяти, кроме жары, ненужной, раздражающей духоты, тополиного пуха, катающегося по полу и забивающегося в углы резвыми зверюшками из фильмов-ужасов. Мороженое? Любила? А черт его знает...

И вот пришел июнь.

В светлом кабинете царил чистота, стерильная, беззвучная. Не играла музыка, хотя многие лаборанты обожали начинать день под бодрые хиты популярных радиостанций. Все на своих местах: стол, стул, журналы стопкой, реактивы на глянцевой рабочей поверхности построены, как по линейке, мусорное ведро с чистым пакетом внутри, у дверей новая партия воды из северной части региона. Ящики наставлены по датам один на другой, потому что Лидия Ивановна строго отчитает за беспорядок, и грузчикам Олегу Петровичу и его внуку Сереге придется снова все переделывать. Ну ее, эту Лидию со взглядом овцы и характером цепной овчарки. Обгавкает с утра, и весь день наперекосяк.

Она потянулась, сняла легкий плащ, который одевала даже в жару, достала из шкафчика белый халат с прожженными по подолу дырами резиновые перчатки. Вот уже целый месяц тишины. Тяжеловато, конечно, совсем без помощника, но лучше уж провести целый день в беготне и бесконечной писанине, чем терпеть idiotские высказывания, или еще того хуже, исправлять тупейшие ошибки, совершенные между болтовней по телефону и поеданием плюшек.

– Ну и воняет здесь! – звонкий голосок, раздавшийся из коридора, пригвоздил Лидию к месту. Перчатки упали на пол, так и не расправленные.

– Потерпишь, Настя, не налей, – а это уже голос Киры Витальевны, начальницы лаборатории, заставил Лидию обернуться и вытянуться по привычке в струнку. Что это еще за новости с утра пораньше?!

Двери распахнулись, и в кабинет вошла Кира Витальевна – ухоженная, ясноглазая дама предпенсионного возраста. Под расстегнутым белоснежным халатом, отглаженным и совершенно целым, виднелось шикарное свето-зеленое платье, расшитое мелкими стразами.

– Здравствуйте, Лидия Ивановна, – звонко поприветствовала она хозяйку кабинета, – а я вот вам практикантку веду, – и, обернувшись, позвала в полумрак за дверь: – эй, красотка, давай, не трусь!

– Здравствуйте, – буркнула Лидия, по своему обыкновению, и уставилась, шокированная возникшим видением, прямо в дверной проем.

Через ящики перешагнули непомерной длины ноги в невиданных туфлях. Это первое, что вообще разглядела Лидия, обалдевшая и растерянная. Потом образ сложился в стройную красавицу с белыми, прямыми и блестящими, как шелк волосами, светлыми карими глазами на удивительно нежном, юном личике, смуглым от загара.

– Вот это – Настя Матиото – студентка-химик, практикантка, называйте, как нравится. Университет выделил помощников на все лето, считайте, повезло. Да и этой кукле полезно будет поработать под вашим руководством.

Лидию слегка покорило фамильное обращение с девчонкой всегда корректной начальницы. Она заподозрила здесь какой-то выгодный обоим сторонам ход, или, как минимум, родственную связь, поэтому, на всякий случай, вежливо кивнула Насте и спросила:

– Запах совсем никак, или привыкнете?

Девушка улыбнулась неожиданно располагающе и весело объявила:

– Уже говорила: вонь жуткая, но я привыкну. Нефть тоже не конфетами пахнет. Я с факультета разведки...

– О, ничего не понимаю, а почему к нам?

– А просто так, – Настя хихикнула, и почему-то Лидии этот детский смех понравился. В отличие от Лесиного, он прозвучал уместно и как-то даже...интеллигентно, что ли. Матиото, Матиото...О, Господи! Вот это кто! Дочка нефтяного короля Альберта Матиото, продвинувшего на север области постройку трубы для

добычи чёрного золота. Потрясающе. Теперь понятно. А девочка уже самостоятельная личность, персона. Благотворительность, помощь спортивным школам, спасение снежных барсов... Принесла нелегкая!

2

В их первый совместный рабочий день, обещавший стать жарким, Настя явилась без опозданий. Вошла, поздоровалась, ловко свернула белый шелк волос в узел и повязала лоб банданой.

Лидия, притихнув, по своему обыкновению, в компании более сильного человека, наблюдала за девушкой со смесью симпатии и удивления.

– Лидия Ивановна, у вас есть халаты? – сумочка из дорогой зеленой кожи обвилась вокруг спинки стула, и светло-карие глаза, аккуратно подкрашенные, блеснули улыбкой, – а то я свои два привезла.

– Спасибо, Настя, халаты есть, только они все, как решето, реактивы, знаете ли... Вы уж своими пользуйтесь, а то неудобно как-то... – она замялась, поразившись как, оказывается, давно не делала комплиментов людям. Последний раз – на Новогоднем корпоративе, она сказала начальнице, что у той платье блестит, как елка, и получила в ответ обескураженную улыбку.

– Ну, если реактивы, так и мои тоже скоро продырявятся, да? – усмехнулась Настя. – Что будем делать сегодня, командуйте!

«И кто, интересно, кем здесь будет командовать?!» – подумала Лидия, выползая, наконец, из своего угла: работы было непочатый край.

– Начнем, как обычно, с заполнения журналов. У нас прибыла сомнительная партия проб воды с верховьев Саян, и еще весь север не проверен после схода селя. Это опасное явление, Настя, как вы понимаете, не только для жизни, но и для нормального поддержания баланса всех рек с питьевой водой. Они могут поменять русла, наполниться непригодными для питья взвесями, а то и просто исчезнуть. Сейчас в те места выехала экспедиция, и уже по спутнику видны изменения ландшафта. Признаки тревожные. Там есть такая речка Упатайка, такая вроде неизвестная, а поит целый город...

– Клево! – Настя села верхом на стул, заслушавшись, а Лидия с тревогой и восторгом оглядела ее длиннющие ноги в узких джинсах, и в который раз задалась вопросом, что такая модель делает в этом кабинете. И почему слушает ее с таким интересом.

– Не знаю, – в тон ей ответила Лидия. – не будет клево, если в инфекционные больницы начнут поступать шестимесячные малыши, отравившиеся простой водичкой.

– Это да, – Настя кивнула.

– Действовать будем так, – Лидия покрутилась на месте, а потом сдвинула из высокой стопки журналов три верхних и положила перед Настей на ее будущий рабочий стол. – Вот этой писаниной придется заняться. Компьютер – дело хорошее, и я без него нечего делать не умею, но есть одна хитрая служба, требующая еще и письменных дубликатов. В вопросах контроля за безопасностью технике не всегда доверяют. Есть правила, им нужно следовать, что я и делаю, не забывая себе голову лишними вопросами. Твоя задача под мою диктовку вносить результат в журнал. Я исследую пробу, говорю номер, регион, число, и еще пять-семь значений – это химический состав, обнаруженных взвесей. Ты записываешь, внимательно, внимательно! – она коротко глянула на посерьезневшую девушку, и, как только Настя

утвердительно кивнула, закончила свою речь: – а потом мы вручную маркируем пробирки и составляем их в определенно порядке. Синий цвет – все в допуске, и воду можно использовать, красный – запрет до устранения загрязнения, при условии, что это вообще возможно.

– А бывает так, что исследовать нечего, ну, нет воды на пробы, или еще? ... – Настя пожала плечами.

– В крайних случаях, – подумав, ответила Лидия. – Обычно мы проверяем все и всегда. Воду везут отовсюду, ведь это – жизнь городов, Настя, не больше, не меньше.

– Ясно, – девушка вдела руки в рукава белоснежного халата, открыла журнал и доверчиво повернула свое безупречно красивое лицо к Лидии, – объясните, куда и что записывать?

– Да. Но, давай, лучше сразу на примере, хорошо?

3

Белый город над Ангарой всегда был для нее родиной, и самым лучшим городом на свете, а уж сравнить ей было с чем.

Уже с десяти лет, ей следовало бы осознать себя этакой принцессой мира, когда выяснилось, что ее отец сказочно богат, не только по меркам провинции. Но Настя всегда осторожно относилась к мнению толпы, стеснялась, а иногда и откровенно трусила. Мама отдала ее в студию балльных танце в надежде, что девочка окрепнет, раскрепостится, чтобы появиться в свете в положенное время в должном образе и с высоко поднятой головой.

Настя занималась усердно. Плечики распрямились, походка стала летящей, как в старой песенке. Тренер, сладко улыбаясь маме, объявил однажды, что девочка подает большие надежды. Нашелся и подходящий партнер, с которым она прошла вместе все испытания турнирами и многочасовыми тренировками. И вот мама заговорила о Москве.

– Там тебе ждет успех, тебе нашли партнера твоего уровня, папа уже занялся поисками дома...

– Нет.

Это Настино «Нет» чуть не свело маму в могилу.

– Почему? – шептала она чуть позже, свалившись в кресло под действием успокоительных капель. – Чего тебе не хватает: наряды, тусовки, мальчик в Москве ждёт шикарный?! – ее сдавленный голос пугал Настю, но решения своего она не изменила.

Он приходил на тренировки и смотрел мимо. Обнимал при встрече, говорил с ней о чем-то, четко выполнял все команды тренера и танцевал, как бог. Тоненький в третьем классе, пугливый синеглазый мальчонка превратился в высоченного красавца с отсутствующим взглядом. Но как он двигался! И она все пыталась проникнуть за веер его черных ресниц, прослушать его сердце под дорогими шмотками... Пока не пришло лето их четырнадцатилетия... Пока она не увидела его с девушкой лет тридцати восьми, красивой, статной, и словно окутанной потусторонним сиянием. И он смотрел на нее уже точно прямо, с нежной улыбкой заглядывая в глаза и с трудом сдерживая порыв, чтобы не сжать ее тоненькое тельце в объятиях.

Настя сбежала. И побег это казался ей спасением от зла, что причинили ей его последние слова на межгородском турнире, когда за кулисами она услышала правду, и тут же ей поверила, потому что он открыл ей глаза.

Логика подсказывала, что зарывать талант в землю глупо, безответственно и чуть ли не преступно, что партнер уже есть, и может быть с ним все пойдет иначе, и Москва примет богатую талантливую девочку с распростертыми объятиями, но ...

она не могла. Не было сил дышать, не было сил видеть больше платья в пайетках, болело сердце при виде кружащихся пар в ритме румбы или сексуального танго.

– Мамочка, прости, – в шепоте ее было много боли и страдания, и мама забыла о своем шоке, всматриваясь с молящее лицо дочери. – Я буду заниматься танцами, но в Москву не поеду, менять город не стану, тем более из-за какого-то мажора, мне не хочется уезжать, здесь мне хорошо.

– Милая, мы много работаем для того, чтобы иметь возможность видеть мир и жить там, где захотим, разве ты не согласна с этим?

– Почему не согласна? Но я и хочу остаться здесь, потому что люблю этот город...

– Я скажу отцу, – тихо произнесла мама, и снова пристально посмотрела на притихшую у ее ног Настю. Что-то здесь было не так, но противоречить дочери женщина не считала возможным. От ситуации за версту несло драмой. Решение пришло само: не трогать человека, пусть сам попробует понять, как ему быть дальше.

Настя занялась современными танцами, обзавелась друзьями, с восторгом приняла в подарок первый автомобиль. Мягким одеялом ее укрыло простое счастье, наступивший мир в душе свидетельствовал о правильности поступков.

Но в голове царил хаос. Тысячи мыслей, мешавших порой заснуть, вертели свой хоровод, не останавливаясь, и отдохнуть от них не представлялось возможным.

Она все и всегда ставила под сомнение. Пока собственный внутренний голос не произносил четкое «да», Настя выходила в мир с привязанными, словно гири к ногам, тревогами, страхами, беспокойством.

– Ты очень красивая, – просто говорили ей иногда, даже не желая получить что-то взамен, а именно просто восхищаясь и удивляясь женской красоте, наяву блестящей рядом, как чудесное явление.

– Красива? – Настя останавливалась перед зеркалом, – ну, не знаю. Сегодня определенно нет. Мешки под глазами – это чаще спать надо, волосы что-то ломаются, бедра жирные, ну, пусть не жирные, но вчерашний «Цезарь» в полдвенадцатого был лишним.

Если бы не природная уверенность в доброте людей – ведь все относились к ней с нежностью и лаской, Настя, возможно, превратилась бы в некий антипод Лидии, бестолково сомневающейся во всем на свете, во всех, в каждом, в себе, разумеется.

Умело скрывая сомнения, зная, что неуверенные в себе люди не пользуются успехом, Настя застёгивалась на все пуговицы своих брендовых вещей, тщательно укладывала белые – обязательно белые, ведь блондинки красивее, волосы; красилась, используя исключительно высококлассную косметику, и с бьющимся сердцем открывала двери в мир.

Ее город хранил ее, сам того не зная, не зная, но, словно благодаря, что стал вечным избранником этой нежной, взволнованной девочки, подсознательно тянувшейся к чистоте и свету.

Даже мама, чуткая, прямолинейная, бескорыстно любящая, не осознавала, насколько не уверена в себе ее обольстительная дочь, в свои двадцать уже получившая сотню предложений руки и сердца от не последних в городе людей.

Училась Настя легко, и к своим обязанностям относилась со спокойной ответственностью. Ей хотелось немного изменить мир вокруг, но действовать активно девушка побаивалась. В мечтах она видела себя первой леди города, светской львицей, одним движением заставляющей вращаться планеты. Но когда представлялась возможность блеснуть, Настю хватал за сердце предатель-страх, заставляя отступать по уже пройденному пути. Но она обладала живым умом и быстро поняла, что

можно замаскировать стеснение и страх толпы, именно слившись с этой толпой, и вовремя обзавелась нужными друзьями, которых приводил в восторг ее шарм и умение дружить, ничего не требуя взамен. И она блистала, сверкала, привлекая к себе внимание, жила, вызывая потаенную зависть соперниц, и могла бы взлететь к звездам, лишь взмахнув ресницами.

К моменту знакомства с Лидией, Настя рассталась с очередным поклонником-любовником, причем решение это приняла самостоятельно, жестко, уверенно, чем добавила в копилку своего тщеславия еще одну монетку. Парень был не особенно красив, чрезмерно богат и набит спесью. С Лидией он бы и разговаривать не стал. Настя терпеть таких не могла, хотя прекрасно умела с ними ладить. Встречалась она с ним больше для себя, чем для него, хотя он был уверен в обратном, а потом и себе стало нечего предложить. Когда поцелуи стали редкими и однообразными, а разговоры перешли в плоскость: «Че, скучаешь опять? Поехали ко мне!», она просто перестала отвечать на звонки, а потом коротко произнесла: «Хватит, Тема, достал уже!» и положила трубку.

Свободной, радостной, чуть возбужденной, переступила она порог лаборатории в тот солнечный день, готовая действовать, позабыв про страх и неуверенность.

Женщина, встретившая ее в линялом, рваном халате, с наскоро скрученными волосами, быстрым, встревоженным взглядом, тут же убегающим от взгляда собеседника, вызвала в девушке мгновенное сочувствие, а, скорее, жалость. Ну куда это годится: с высшим образованием сидит в душной комнатенке, вокруг воняет, сучища и безысходность! А самой не так много лет... Вон, мама в сорок восемь родила братишку, вопящего теперь на весь дом. И по-прежнему осталась красивой, молодой, вызывающе сексуальной. Настя задумалась на эту тему глубоко, не гоня от себя прилипчивые мысли и пока не оформившиеся идеи.

Практика продолжалась, и у девушки хватало времени для наблюдений за Лидией, которая даже не подозревала, что сумела вызвать такой интерес. Ею вообще никто никогда не интересовался, так что разглядеть возникшее вдруг соучастие в красавице-практикантке она просто не могла.

Сначала Настя не понимала, чего же она, собственно, хочет: совершить ли просто добрый поступок по отношению к Лидии, просто вызвать улыбку, подняв ей настроение забавным рассказом, просто...Да нет же...Она долго пыталась разложить по полочкам свои новые потребности альтруиста и защитника слабых, пока, к своему большому разочарованию, не уяснила: меняться Лидия не хочет, радоваться жизни не умеет, смеяться вообще разучилась, и красивой, конечно же, тоже не станет. У них разные взгляды на мир, книги, человеческие качества, любовь, природу. Они – противоположны друг другу настолько, что сойтись могли исключительно случайно, примерно, как Дональд Трамп и сельский фельдшер из Усолья-Сибирского.

Ситуация Настю, тем не менее, не смутила. Трампом она себя никогда не считала, в случайности верила. На дворе цвело лето, и энергия била фонтаном. Хотелось действовать. Только вот, с чего начинать, если на любой вопрос Лидия реагировала всегда примерно одинаково: не смотрела, нет, не была, не ездила, не видела. И говорили они только о работе.

Даже жара, от которой просто млела Настя, воспринималась Лидией исключительно, как помеха в делах, и общей темой становиться не желала. Неожиданно это различие их личностей только подхлестнуло Настю, и она начала действовать усердно, рьяно, чуть ли не нахрапом.

Почти не получалось. Исключением стали короткие беседы на личные темы, в ходе которых Лидия нехотя делилась фактами из своей прошлой жизни, и то лишь в ответ на Настины откровения.

– Вы были замужем? – спросила как-то Настя, осторожно переставляя на столе пробирки с образцами.

На лице Лидии появилось тупое, замкнутое выражение, которое выводило из себя абсолютно всех, кто, подобно Насте, пытался наладить диалог. Не надо было быть дипломатом или психологом, чтобы догадаться: ничего эта женщина говорить не собирается, вы ее бесите, поэтому не лезьте не в свое дело!

Но Настя не смутилась, готовая идти до конца:

– Я, конечно, не была, но меня звали, – она выдержала паузу, ожидая, что последует хоть какая-то реакция, или вполне уместный сдержанный комплимент. Ничего, только кивок, скупой, без улыбки. – Я отказалась, потому что вообще не понимаю, зачем выходить замуж. Ладно, когда девушка не богата, тогда ей нужна материальная поддержка, или парень – хороший друг, надежный, – о любви Настя умолчала сознательно, и вообще озвучила самые глупые, на ее взгляд, причины замужества, потому что без любви она не видела отношений, но Лидия молча продолжала подписывать даты на пробирках, и на провокацию не поддавалась.

– Почему вы молчите, мне ведь хочется услышать ваше мнение? – не выдержала девушка.

– О чем? – Лидия посмотрела на нее с досадой и удивлением.

– О замужестве, – теряя запал, промямлила Настя.

– Что?

– Ну вообще приколы! – простонала девушка. – Вы совсем со мной разговаривать не хотите?!

– Я не знаю о мужчинах, – произнесла Лидия негромко. – Да и вряд ли вам нужен мой совет. Скорее уж, вы дадите его мне. Я не хотела замуж, ни с кем не встречалась. Мужчины кажутся мне грубыми, какими-то чужими, – она неловко пожала плечами.

– Часто они такими и бывают, – вздохнула Настя, с трудом скрыв радость от прогресса. – Иногда только встречаются... – слезы обожгли глаза, и она поспешно отвернулась к окну. Воспоминание, как ветер обдало ее сердце, и она не заметила, с каким голодным выражением взглянула на нее Лидия, тут же, впрочем, спрятавшись за своей привычной маской.

Какие-то грязные потеки на стенах. Здесь холодно, сыро, как в подzemелье. Возможно, это и есть подzemелье, где место нелюдям, фрикам, монстрам. Я – фрик, я – монстр. Не знаю, долго еще выдержит мой мозг человеческое общество.

Сегодня притащилась фея. Я никогда раньше их не встречала наяву, а тут вдруг увидела. Интересно, чтобы ее сделать, люди занимались обычным сексом, или употребляли какой-нибудь особый наркотик? Их экстаз, должно быть, совпал с парадом планет, или извержением ранее дремлющего вулкана.

Ей двадцать. У нее белые, как лепестки лилии, волосы, но они сверкают на солнце и льют свет вокруг, на предметы, стены, пол, на меня. Я слепну от этого сияния. Настя. Ей всего двадцать. Что-то произошло в мире, когда она вошла.

Здесь я прячусь от красоты и света. Кто-то до меня употреблял здесь запрещенные препараты, пил, спал, сношался, извергал из себя невысказанный химический сплав. Я здесь одна. Мысли текут стройно, и не хочется слез.

Где-то есть город. В нем стоит лето, стоит прочно, опираясь зелёными столбами о раскаленный асфальт. Пение птиц слишком ранит мой слух, как и усиленные расцветом гудки машин. Из синего неба на город льются потоки счастья. Кто-то, возможно, наберет себе полные пригоршни. Мне – ни к чему.

Мой ежедневный побег из рая должен хоть на время ослабить боль и желание выйти из окна. О, как искушает, мня шестнадцатизэтажка напротив! От летнего цветения есть только одна польза: из-за разросшихся зарослей боярышника не так видны дома.

Я лгу. Много. Моя причёска – ложь, мои одежды – сплошное вранье. Моя пища – черт знает, что такое, ложь, и просто сырье для переработки. Не может быть это правдой. Это – мой образ, маскировка, попытка укрыться. Хочу смерти, зову ее, тащу ее за тощую задницу из неправдоподобного мира ночи, но она упирается, потому что подчиняется не мне, а кому-то еще. Кто-то более сильный и красивый, успешный и честный управляет ей.

Спина совсем замерзла, ноги отсырели. На часах – полдень: закончился обеденный перерыв. Сбесились стрелки, что ли?! Я ведь только что пришла сюда. Будут искать, скажут, Лидия впервые умудрилась опоздать. Наверное, у нее что-то случилось.

Приду сюда еще. Не могу дождаться вечера. Он принесет покой, тишину, сон. Главное, не заснуть здесь. Смерть, конечно, придет за мной именно сюда, но мне бы хотелось избежать страха в довесок к собственному исчезновению.

Может быть, черная тварь с косою не хочет забирать меня из-за этого малодушного отказа от страха? Возможно, он – ее вечный спутник, союзник, возлюбленный? Попробую понять, и, если это окажется правдой, и смерти нет без чувства ужаса, я смирюсь и впущу в себя их обоих.

Но мне пора.

Я выбираюсь на горячую улицу. Потоками струятся машины и люди. Лица, вперемешку с мордами. Счастье вперемешку мл слезами. Маски, маски, маски. Улыбка, а мод ней – брошенная девушка. Дорогие духи, а под ними – содержанка, навечно лишенная любви и чести. Мужчины, женщины, кто-то без кого-то...

Я читаю на лицах. Их никого нет в реальности. Все все себе придумали, живут надеждами, мечтами, сексом, страхом, одержимостью. Все одержимы, и все не существуют на самом деле. И я не существую.

Город грехов. О, это точное название, и подходит оно к каждому скоплению каменных построек, прорезанных автострадами, утыканных деревьями.

Здесь не бывает покоя душам. Здесь лгут, болеют, любят, страдают, желают. Я задыхаюсь в этой мути! Выпустите меня!

4

– Ты дура, что ли?! – яростным шепотом прокричала Лидия, едва захлопнулась дверь лаборатории. – Регион с населением около двухсот тысяч мог запросто свалиться замертво! Ты чего, ч сума, что ли, сошла?! Я тысячу раз тебе повторила, что именно это соединение недопустимо ни в какой пропорции! Это – яд, твою мать! – голос сорвался, и она со всей силы треснула ладонью по стене. – Настя, ты хоть слышишь, что я говорю?!

Глядя на вздувшиеся вены, избороздившие лоб наставницы, ее взлохмаченные, влажные от пота волосы, посеревшее лицо, тусклые губы в пене, Настя застыла, как мышь перед коршуном. Говорить она не могла; осознание своей чудовищной

ошибки катило на нее, все разгоняясь, громадным грузовиком, потерявшим управление на крутом склоне.

– Твою мать! – простонала Лидия, отделяясь от стены. Ее движения по комнате напоминали дерганые шаги игрушки с садящейся батарейкой. – Почему я слышу такое в свой адрес? Почему я, ни разу не допустившая подобной ошибки даже в молодости, сейчас слышу такое? Лидия Ивановна, у вас допуск стоит, а в воде яд! – передразнила она говор Киры Витальевны. – Какой, к хренам, допуск?! – рявкнула она, тут же испуганно замолчала, оглянувшись на дверь

– Простите меня, – пролепетала Настя, чувствуя слабость в ногах и вполне реальную дурноту, как после избытка спиртного: подкатила тошнота, закружилась голова, звуки утратили четкость. «Я сейчас, кажется, в обморок грохнусь» – с удивлением отметила та часть ее сознания, что сохранила способность наблюдать за происходящим со стороны.

– И дальше – то что? – спросила Лидия, ваясь на стул. – Что прощение даст? Я вроде понимаю: ты только учишься, но умудриться воспользоваться моей печатью, не убедившись в безопасности проб...Настя, Господи Боже, мы чуть под суд не угодили, вернее, я...

– Лидия Ивановна, простите, – шептала Настя, хватаясь за стену, чтобы сохранить хот какое-то равновесие.

– Я же русским языком перед отъездом сказала: допуск ставишь, только если есть твердая уверенность. Твердая! Еще, слава Богу, документы не конца скрепили, и Кира успела проверить. Но душой-то осталась я! Что теперь делать...

Сзади раздался грохот, и бледная, измученная Лидия увидела лежащую на полу красавицу с растрепанными белыми волосами и раскинутыми в стороны руками.

– Кукла хренова! – выдохнула она, с досадой поднимаясь со стула. – Где этот графин? – спросила она, глядя в упор на кулер, и не замечая его.

На конференцию Лидия уезжала со спокойным сердцем. Материалы и печати она передала собранной Насте, сделал несколько распоряжений и по-дружески, насколько эта форма общения была ей доступна, попрощалась с девушкой. Словом, ничто не предвещало.

Вчера она приехала, очень довольная своим докладом, и в троллейбусе, везущим ее с мычанием домой, несколько раз вынимала и рассматривала диплом в голубой рамочке, полученный от коллег из вышестоящего НИИ. Было приятно, неожиданно и ново.

Ее старенький сотовый, о котором она часто забывала, ожил в неурочный час, завибрировав на обеденном столе. Лидия только что удобно устроилась перед маленьким телевизором, включив свой любимый сериал и обложившись пакетиками сухек, мармеладок, и прочей нехитрой снеди.

От звонка она вздрогнула, потому что звонить могли только с работы. Нечто похожее произошло лет пять-семь назад, когда после землетрясения магнитудой семь баллов буквально разверзлась сопка над рекой Тихой и одарила чистейший источник питьевой воды таким букетом инфекций, что сотрудники лаборатории во главе с Кирой Витальевной просто отказывались верить своим глазам. Но тогда виновных не было, кроме неустойчивой земли, ходившей под ногами жителей близлежащих к эпицентру поселков, еще несколько дней.

Лидию просто вызвали вечерним звонком, поставили в известность на срочно собранном совещании, и впрягли в работу, что ей было не в новинку.

Вчера же разверзся ад.

– Вы сядете, – отрешенно глядя прямо перед собой, проговорила Кира, и отсветы стразов с платья прочертили блестящий круг по ее изможденному лицу. – Вы ведь и сами это понимаете, да? Не Анастасия ваша, а вы... Там яд, а у вас допуск. Это, слава Богу, пробы не ушли: я на месте проверила.

– Прямо сяду? – ее колени затряслись, в голове помутилось, рот наполнился слюной.

Тишина зазвенела в ответ. Кира выдохнула медленно-медленно и провела по лицу ухоженной рукой с красивым кольцом на мизинце. Помада, всегда безупречно нанесенная, размазалась по щеке, оставив кровавую черту. Лидия, не мигая, глядела на этот след и молилась непонятно кому.

Под руководством экстравагантной Киры Витальевны, Лидия проработала уже девятнадцать лет, появившись в тогда еще старенькой, неотремонтированной лаборатории оципанной студенткой. Кира уже тогда покупала европейские шмотки и увешивалась бижутерией, которая часто оказывалась настоящим золотом с подлинными камнями.

Поговаривали, что трудится начальница из голого энтузиазма, а материально ее с лихвой обеспечивает супруг – таинственный бизнесмен из бывших «новых русских», что в свое время выгодно откусили от пирога под названием «Крушение Союза». Вкусный был тот пирог, или не очень, и сколько этому интересному господину довелось носить далеко не брендовые вещи, никто толком не знал. Судили о нем только, оценивая на первый взгляд драгоценности супруги, и провожая глазами черный автомобиль представительского класса, каждый вечер, увозивший начальницу домой, куда-то в придуманно-мечтательную даль.

О муже Кира не распространялась вообще, за исключением общих фраз, типа: «У старшего сына день рождения, поедем с Михаилом за подарком» или: «Миша где-то вирус подхватил, придется лекарства глотать всем!»

Лидия знала Киру Витальевну как человека честного, чуть взбалмошного, в минуты корпоративных выступлений – говорливого и смешливого, будни – сдержанного и справедливого. Ей, как и многим женщинам, были свойственны перепады настроения, но она всегда держалась корректно, так сказать, в одной колее.

Лидия с надеждой смотрела в серые глаза под наращенными пышными ресницами и просто ждала. Что-то подсказывало ей: Кира не хочет скандала и попробует помочь, чего бы ей это не стоило.

И та вдруг произнесла нечто такое, от чего Лидия разом выдохнула и поверила в чудо:

– Настьку твою выгонять придется к чертям собачьим, – раздумчиво прозвенел голос свободы. – Натворила дела, хотя девочка она правильная, и о практике этой очень меня просила сама лично, даже отца с матерью не привлекала. Напомнила только, что мы знакомы, но ни звонков, ни намеков от них я не слышала.

– Оставьте ее, Кира Витальевна, – произнесла Лидия то, чего от самой себя никак не ожидала, – под мою ответственность и строгий контроль. Мне с ней легко работается, она очень исполнительная, способная, молчаливая. Найдет иногда на нее в душе покопаться, но сразу отвязывается, а ей только двадцать... Научится, и все будет ровно. Мы ведь справимся, если вы нам поможете?

Ветер шевельнул жалюзи на окне и застыл в солнце под потолком. Радио, тихонько игравшее блюз, подало сигнал: В Москве четыре часа.

– Что, уже девять вечера? – Кира словно очнулась и подошла к окну. Она долго смотрела на тополя, зеленый пушистый ковер молодой травы, белок... – Час уже треплемся. Ладно. Сделаем тихо, Лида, – кивнула она, не оборачиваясь. – Но ты же

понимаешь, как рядом, как близко прошла беда? Будьте вы поосторожней с Настей этой...

– Спасибо, Кира Витальевна! – выговорила Лидия, ломая пальцы, – глаз с нее не спущу!

На следующий день, оправившись от потрясения, первого в ее жизни, Настя приехала на работу и остановилась около машины в ожидании Лидии. Ей не хотелось возвращаться к малоприятному разговору в лаборатории, где кто угодно мог подслушать и вывернуть сказанное наизнанку.

Слов благодарности девушке казалось мало. Ее ошибка носила столь ужасный оттенок, несла в себе такие непоправимые последствия, что никакими словами нельзя было отделаться и поставить точку.

Вечером ей позвонила Кира Витальевна и добавила масла в огонь:

– Знаешь, кто спас твою прокаченную попу, Настена? Лидия! Она так за тебя заступалась, что, по-моему, готова была на севера поехать... – здесь Настя захлопала носом, уже в который раз. – Прощу, детка, больше никаких подобных историй. Чуть сомнения – ко мне или к кому-нибудь из лаборантов. Это же и так понятно, да?

Настя кивнула, забыв, что ее никто не видит.

Утром солнце, едва поднявшись, зажгло, как умалишенное. Парковка, конечно, еще не раскалилась, но стекла отражая свет, слепили, и даже в легкой майке было жарко.

Ровно без двадцати восемь на тропинке, крадущейся через темные заросли боярышника, появилась Лидия. Длинная юбка с нелепыми пуговицами, светлая кофточка и... светлый плащ. Плащ! В такую жару!

Уже в который раз дав себе слово придержать негодование по поводу гардероба запуганной наставницы, Настя окликнула ее и сделал несколько неуверенных шагов навстречу:

– Лидия Ивановна, здравствуйте!

Женщина заозиралась с нервным подергиванием бровей в поисках нарушителя спокойствия, как будто здесь, кроме них двоих, еще толпились люди. Такая уж у нее была манера: вздрагивать и шарахаться, даже если с ней заговаривал близкий, хорошо изученный человек.

– Доброе утро, Настя, пойдём, – глуховато произнесла Лидия и зашарила в кармане в поисках ключей, – хорошо себя чувствуешь?

– Да. Я в норме. Благодаря вам, вообще-то, – Настя, помня, что Лидия не выносит вторжения в личное пространство, осторожно дотронулась до ее локтя через плащ и сразу убрала руку, – Лидия Ивановна, я хочу поговорить с вами о вчерашнем...

– Да не надо ничего говорить, было и было. Мы же работаем, и все, – залопотала женщина неловко.

– Так-то так, но я хотела бы отблагодарить вас. Я виновата перед вами. Перед людьми, где протекает эта речка – само-собой, но, прежде всего – перед вами. Мне необходимо как-то загладить вину, иначе я с ума сойду, понимаете?

Лидия смотрела в красивое смуглое личико, обрамленное белыми шелковыми прядями, которые позже будут предусмотрительно скручены в узел, и не знала, что ответить. Ее никогда в жизни никто не благодарил, разве что, за переданную за столом соль, и теперь она почувствовала, кроме испуга, еще и привычное желание сбежать. Укрыться за тяжелой дверью родной лаборатории, чтобы не видеть больше этих карих глаз, таких встревоженных, таких прекрасных.

Зачем она попросила Киру оставить эту фею?! Ведь теперь точно не отвяжется, и будешь выслушивать заявления, покаяния, предложения немислимых компенсаций, продиктованные болезненной потребностью всем нравиться.

5

Семнадцатого июня Лидия проснулась с ощущением тревоги. Это состояние, вообще-то, было ей знакомо. Как часто она волновалась из-за всяких пустяков, вроде опечатки в отчете, мокрых ног после дождя, косога взгляда начальницы. Она все понимала, но трястись от неприязни и страха было для нее естественно. Хлопнувшая дверь вызывала прыжок на месте, гудки машин отнимали сон. Только погружение в свой собственный мир потоком текущих мыслей ненадолго приводило ее в порядок, успокаивало.

В пробуждении своем она оказалась беззащитной перед ярко светившим в окно солнцем, летним гомоном, уже с утра бодрым и свежим, ароматом листьев, травы, цветов.

Сев на постели, она дотянулась рукой до оконной рамы и с силой захлопнула ее. При этом внутренняя тряска не прекратилась, а наоборот, разошлась пуще прежнего. Сердце буквально дрожало, словно подвешенное на нитке.

Надо было вставать, пить чай, одеваться, и снова тащиться в лабораторию, и снова там что-то делать, и снова говорить с Настей...

Зачем она вообще вчера вечером позволила втянуть себя в этот разговор на парковке (появилась у Насти такая привычка: по-шпионски подкрадываться и приставать с разговорами. Видимо посчитала успешным свой первый утренний заход с извинениями две недели назад!), когда солнце палило и прожигало волосы на макушке?! Зачем отвечала на вопросы и, о ужас, задавала их сама?! Теперь девчонка не отвяжется – это проверено. Чтобы отвадить Настю от болтовни, придется постараться. А ведь раньше она вела себя корректно, сдержанно. Вот, что значит, стереть границы между рабочими отношениями и личными. Нашла себе, тоже, предмет для изучения!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.